

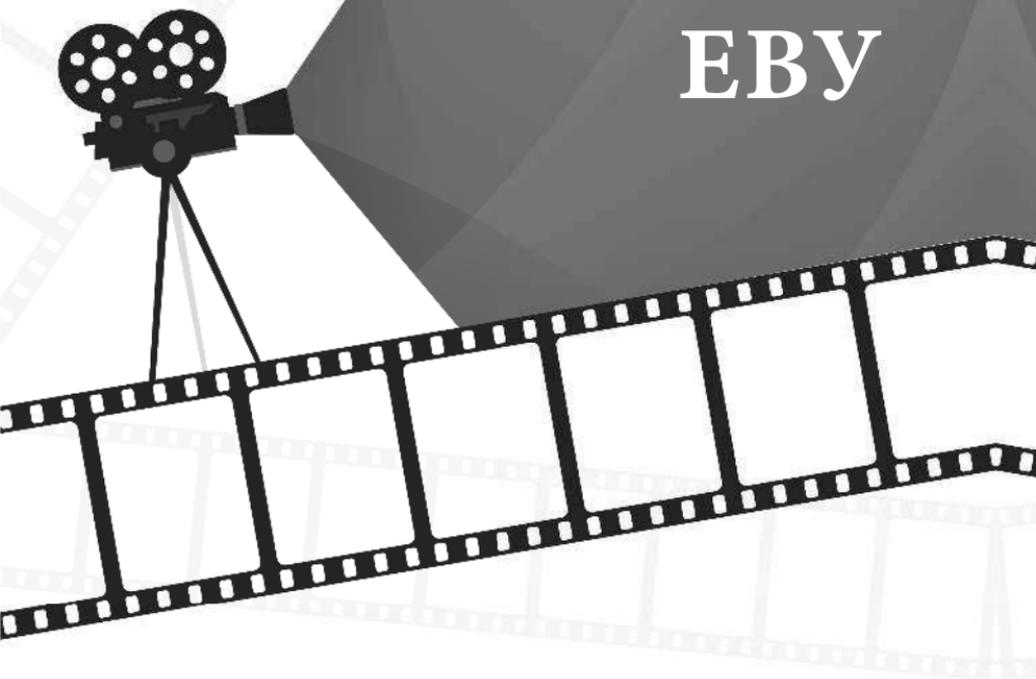
Люк Дженнингс

УБИВАЯ ЕВУ

Люк Дженнингс

УБИВАЯ ЕВУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Печатается с разрешения PEW Literary Agency Limited
и литературного агентства Synopsis

Дженнингс, Люк.

Д40 Убивая Еву/Люк Дженнингс; [пер. сангл. Г.Л. Григорьева]. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Kinostory).

ISBN 978-5-17-113162-3

«Убивая Еву» – это шпионский триллер, который лег в основу одноименного сериала. Книга пронизана едкой иронией и повествует о двух женщинах – разведчице Еве Поластри и киллере Вилланель. Ева отличается от типичного спецагента отсутствием каких-либо суперспособностей: она обычная женщина, которая устает и испытывает страх. Это рядовая сотрудница спецслужб, и лишь случайное стечение обстоятельств приводит ее к руководству одним непростым делом...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-113162-3

Copyright © Luke Jennings, 2016
© Г.Л. Григорьев, перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Палаццо Фальконьери располагается на мысе, на берегу одного из итальянских озер, но не самых знаменитых. Сейчас конец июня, и тихий бриз овеивает сосны и кипарисы, рассыпанные мелкими группами, словно бригады часовых, по скалистому ландшафту. Сад величав и, пожалуй, даже прекрасен, но его плотные тени и строгие очертания самого палаццо создают ощущение неприступности.

За стеклами высоких, смотрящих на озеро окон видны шелковые шторы. Банкетный зал в восточном крыле сейчас служит комнатой для совещаний. В центре зала, под тяжелой люстрой в стиле ар-деко, — длинный стол с бронзовой пантерой Рембрандта Бугатти.

Вокруг стола сидят двенадцать мужчин довольно заурядной внешности. Но, судя по дорогим костюмам, это успешные люди. Большинству около шестидесяти лет, их лица — из тех, что не остаются в памяти. Но обращает на себя внимание общая черта — неослабевающая настороженность.

С утра здесь проходит совещание на английском и русском языках — ими владеют все присутствующие. Затем легкий ланч на террасе: закуски, озерная форель,

охлажденное вино верначча, свежий инжир и абрикосы. После ланча мужчины пьют кофе, созерцают озерную гладь, покрытую рябью от бриза, и прогуливаются по саду. Там нет охраны — на таком уровне секретности сами охранники уже источник риска. Вскоре мужчины возвращаются в затененный зал. Повестка дня озаглавлена одним простым словом: ЕВРОПА.

Первым берет слово загорелый человек неопределенного возраста с глубоко посаженными глазами. Он оглядывает сидящих за столом.

— Сегодня, господа, мы уже обсудили политическое и экономическое будущее Европы. В частности, побеседовали о денежных потоках и о том, как лучше их контролировать. А сейчас мне хотелось бы обратиться к иной тематике.

В зале гаснет свет, и двенадцать голов поворачиваются к экрану на северной стене; там — фото средиземноморского порта с контейнеровозами и причальными перегрузочными кранами.

— Палермо, господа, на сегодняшний день — главный пункт доставки кокаина в Европу. Итог стратегического союза между мексиканскими наркокартелями и сицилийской мафией.

— Разве сицилийцы еще имеют какой-то вес? — спрашивает человек слева от докладчика. — У меня впечатление, что наркоторговля — бизнес материковых синдикатов.

— Так и было. Еще полтора года назад карттели принципиально работали только с калабрийской Ндрангетой. Но в последние месяцы вспыхнула война между калабрийцами и мятежным сицилийским кланом Греко.

На экране появляется лицо. Взгляд темных глаз холоден и насторожен. Линия рта — словно капкан.

— Сальваторе Греко посвятил всю жизнь тому, чтобы возродить влияние своей семьи. Еще в девяностые, когда отца Сальваторе устранили члены конкурирующего клана Маттео, она лишилась голоса в коза ностре. Через четверть века Сальваторе выследил и перебил всех Маттео до единого. Греко и их союзники Мессино — самые богатые, могущественные и грозные сицилийские кланы. Известно, что Сальваторе собственноручно убил не менее шестидесяти человек и сотни людей по его приказам лишились жизни. Сейчас ему пятьдесят пять, он безраздельно властвует в Палермо и контролирует всю местную наркоторговлю. Общий оборот его предприятий — где-то двадцать-тридцать миллиардов долларов. Так что, господа, он почти один из нас.

По залу пробегает легкая рябь веселого — или близкого к тому — изумления.

— Главная проблема с Сальваторе Греко отнюдь не его страсть к пыткам и убийствам, — продолжает докладчик. — Когда одни мафиози убивают других, это вроде самоочищающейся печи. Но с недавних пор он стал заказывать членов истеблишмента. Сейчас на его счету уже двое судей, четверо важных чиновников — они взорвались в машинах — и журналистка, убитая на пороге собственного дома. Она была беременна. Ребенок не выжил.

Он делает паузу и обращает взгляд на экран с фотографией мертвой женщины, распластавшейся навзничь в луже крови.

— Надо ли говорить, что непосредственную причастность Греко к этим преступлениям установить невозможно? Полицейских подкупали или запугивали, свидетелям угрожали. Кодекс молчания, омерта, превыше всего. Этот человек неприкосновенен в самом буквальном смысле. Месяц назад я отправил к нему посредника — договориться о встрече, поскольку считал, что нужно достичь хоть какого-то согласия. Его действия в этом уголке Европы приобрели чрезмерный размах и стали угрожать нашим собственным интересам. Греко откликнулся незамедлительно. На следующий же день я получил запечатанный конверт. — Фотография на экране меняется. — Как видите, в нем я нашел глаза, уши и язык своего посыльного. Смысл письма предельно ясен. Никаких встреч. Никаких переговоров. Никакого согласия.

Люди за столом некоторое время не отрывают глаз от кошмарного кадра на экране, а затем переводят взгляд на говорящего.

— Господа, полагаю, нам следует принять оперативное решение относительно Сальваторе Греко. Это чрезвычайно опасная, неконтролируемая сила, с которой правоохранительные органы справиться не в состоянии. Его преступная деятельность и хаос, который она за собой влечет, угрожают стабильности всего средиземноморского сектора. Предлагаю исключить его из игры окончательно.

Поднявшись, докладчик идет к фуршетному столу и возвращается с антикварной лакированной шкатулкой. Вынимает из нее черный бархатный кисет и высыпает содержимое на стол. Двадцать четыре

рыбки из слоновой кости: половина — гладко-желтой окраски, другая половина — с протравленными кроваво-красными пятнами. Каждый из присутствующих получает пару разных цветов.

Бархатный кисет совершает круг по столу против часовой стрелки, и каждый кладет в него по рыбе. Совершив полный оборот, кисет возвращается к человеку, который объявил голосование. Содержимое вновь высыпано на смутно поблескивающую поверхность стола. Двенадцать красных рыбок. Единодушный смертный приговор.

Двумя неделями позже, вечером, Вилланель сидит за столиком на открытой террасе парижского частного клуба «Жасмин» в Шестнадцатом округе. С восточной стороны доносится глухой рокот машин на бульваре Суше; на западе — Булонский лес и ипподром Отёй. Терраса ограждена шпалерой с цветущим жасмином, теплый воздух пропитан его ароматом. Большинство столиков заняты, но разговоры едва слышны. Дневной свет постепенно меркнет, близится ночь.

Вилланель делает долгий глоток мартини с водкой «Грей Гус», украдкой изучая окружающих и уделяя особое внимание паре за соседним столом. Обоим около двадцати пяти; он — элегантно небрежен, она — утонченная, похожая на кошку. Брат и сестра? Коллеги? Любовники?

Определенно не брат с сестрой, приходит к выводу Вилланель. Между ними чувствуется натянутость сообщников — все что угодно, только не семейные отношения. Кстати, они не бедны. Взять хоть ее шелковый

свитер: темно-золотистые оттенки — под цвет глазам. Не новый, зато настоящий «Шанель». И пьют они марочное шампанское «Теттенже», а в «Жасмине» оно весьма недешево.

Поймав взгляд Вилланель, парень на пару сантиметров приподнимает свой бокал. Он шепчет что-то спутнице, и та пронзает девушку холодным оценивающим взором.

— Не желаете к нам присоединиться? — обращается она к Вилланель. Приглашение — и вызов.

Вилланель спокойно смотрит ей в глаза. Бриз колеблет напоенный ароматом воздух.

— Мы не настаиваем, — говорит парень, его косая ухмылка не вяжется с невозмутимым взглядом.

Вилланель встает и поднимает бокал.

— С удовольствием присоединюсь. Я ждала подругу, но она, видимо, задерживается.

— В таком случае... — Парень приподнимается со стула. — Меня зовут Оливье. А это Ника.

— Вилланель.

Беседа течет весьма шаблонно. Оливье с недавних пор пытается сделать карьеру в галеристике. Ника время от времени подрабатывает актрисой. Они не родственники, да и на любовников при ближайшем рассмотрении тоже не тянут. Но все равно есть нечто неуловимо эротическое и в их сообщничестве, и в том, как они втянули ее в свою орбиту.

— А я трейдер, — говорит им Вилланель. — Валюта, процентные фьючерсы и все такое. — Она с удовлетворением отмечает, как в их глазах гаснет любопытство. Если нужно, она может часами беседовать о внутрид-

невном трейдинге, но им это не интересно. Поэтому Вилланель переходит к рассказу о версальской квартире на первом этаже, откуда она ведет свои операции. Этой квартиры не существует, но Вилланель способна описать ее вплоть до железных завитков на балконе и выцветшего персидского ковра на полу. Ее легенда теперь доведена до совершенства, и ложь, как обычно, дарит наслаждение.

— Нам нравятся твоё имя, и твои глаза, и твои волосы, но больше всего — твои туфли, — говорит Ника.

Вилланель смеется и выгибает ступни в атласных «лабутенах» на ремешках. Поймав взгляд Оливье, она сознательно копирует его томную позу. Девушка представляет, как его руки со знанием дела, по-хозяйски скользят по ее телу. Он воспринял бы ее — так ей кажется — как прекрасную вещицу, украшение коллекции. Считал бы, что у него все под контролем.

— Почему ты смеешься? — спрашивает Ника, наклоняя голову и прикуривая сигарету.

— Вы смешные, — отвечает Вилланель. Она пытается представить, как утопает во взгляде этих золотистых глаз. Как ощущает эти пахнущие дымом губы на своих губах. Она наслаждается собой; она знает, что оба — и Оливье, и Ника — желают ее. Эти двое полагают, что играют с ней, — пусть думают так и дальше. Будет забавно поманипулировать ими, посмотреть, насколько далеко они зайдут.

— У меня есть предложение, — говорит Оливье, и в этот миг телефон в сумочке Вилланель подает сигнал. В эсэмэске — единственное слово: ОТВЛЕКИСЬ. Она встает с пустым лицом. Бросает взгляд на Нику

и Оливье, хотя в ее сознании их больше нет. Выходит, не говоря ни слова, и через минуту ее «Веспа» вливается в мчащийся на север поток машин.

Уже три года прошло с тех пор, как она познакомилась с приславшим это сообщение. С тем, кто ей по-прежнему известен лишь как Константин. В те времена ее жизнь была совсем другой. Ее звали Оксана Воронцова, и она числилась студенткой Пермского университета, отделение французской лингвистики. До диплома оставалось полгода. Однако попасть на защиту ей было не суждено, поскольку осенью она угодила совсем в иное место. В уральский женский СИЗО «Добрянка». По обвинению в убийстве.

От «Жасмина» до квартиры Вилланель у Порт-де-Пасси рукой подать — минут пять езды. Большое, безликое и спокойное здание тридцатых годов, а в нем — надежно охраняемая подземная парковка. Поставив «Веспу» рядом со своим быстрым и неприметным серебристо-серым «Ауди ТТ Родстером», Вилланель едет на лифте до шестого этажа и поднимается еще на один короткий пролет к мансардной квартире. Входная дверь по внешнему виду не отличается от других дверей в доме, но сделана из усиленной стали и снабжена электронной замковой системой, изготовленной по спецзаказу.

Внутри квартира удобна и просторна, хоть и слегка обшарпана. Год назад Константин вручил Вилланель документы на нее и ключи. Она понятия не имела, кто жил здесь до нее, но, войдя сюда впервые, обнаружила, что квартира полностью обставлена, а судя по возрасту

сантехники и прочего оборудования, предыдущий жилец был немолодым человеком. Не имея вкуса к хлопотам по обустройству, она оставила квартиру в том же виде, в каком нашла, — с выцветшими обоями цвета морской волны и парижской лазури и с не поддающимися описанию картинами постимпрессионистов.

Гостей у нее не бывает (для профессиональных встреч есть кафе и общественные парки, а для секса — отели), но если бы сюда кто-то и заглянул, то обнаружил бы полное подтверждение легенды Вилланель. Компьютер в кабинете — супертонкий ноутбук в стальном корпусе — защищен обычной гражданской программой, и защиту без труда взломал бы начинающий хакер, но, просмотрев содержимое, обнаружил бы лишь подробные сводки о внутридневном трейдинге. Бумаги в сейфе тоже особой ценности не представляют. Музыкальной системы в квартире нет. Для Вилланель музыка — в лучшем случае бессмысленный раздражитель, а в худшем — источник смертельного риска. Тишина — залог безопасности.

Условия в СИЗО были отвратительными. Пища практически несъедобна, везде антисанитария, а ледяной, пронизывающий ветер с реки Добрянки проникал в каждый безрадостный уголок. За малейшее нарушение правил сажали в одиночку — в ШИЗО. Однажды, через три месяца после ареста, Оксану вызвали из камеры, без всяких объяснений провели в тюремный двор и запихнули в потрепанный «газик». Двухчасовая поездка в глубь Пермского края, и водитель остановил машину у моста через замерзшую Чусовую; не гово-

ря ни слова, взглядом указал на низенькую сборную будку, рядом с которой стоял черный полноприводный «Мерседес».

Внутри будки места хватило лишь на стол, два стула и керосиновый обогреватель. Сидящий на одном из стульев человек в тяжелом сером пальто окинул девушку взглядом: затасканная тюремная роба, изможденное лицо, на котором застыла угрюмая непокорность.

— Оксана Борисовна Воронцова, — произнес он наконец, заглянув в папку на столе. — Возраст: двадцать три года и четыре месяца. Обвиняется в тройном убийстве с многочисленными отягчающими обстоятельствами.

Она молча смотрела в окно на квадратный клочок заснеженного леса. Человек казался самым обычным, но с первого взгляда было件нятно, что он не из тех, кем получится манипулировать.

— Через две недели суд, — продолжал он. — И тебя признают виновной. Другого исхода ждать не придется. Теоретически тебе светит «вышка». В лучшем случае проведешь следующие двадцать лет жизни в колонии, по сравнению с которой «Добрянка» — курорт.

Ее взгляд оставался пустым. Человек закурил сигарету — заграничную! — и предложил ей. В СИЗО эту сигарету можно было бы обменять на недельную добавку еды, но Оксана едва заметно покачала головой.

— Найдены три мужских трупа. Один — с рассеченной от уха до уха глоткой, двое других убиты выстрелами в голову. Такое поведение плохо вяжется со старшекурсницей, изучающей лингвистику в главном пермском вузе. Конечно, если не знать, что она — дочь

спецназовского инструктора по ближнему бою. — Он сделал затяжку. — А ведь репутация у него, у старшего-то сержанта Бориса Воронцова, была ого-го. Впрочем, это его не спасло, когда он разругался с бандитами, на которых подхалтуривал. Ему пустили пулю в спину и оставили на улице подышать как собаку. Едва ли это достойное завершение жизни заслуженного ветерана Грозного и Первомайского.

Мужчина достал из-под стола термос и два картонных стакана. Жидкость он разливал медленно, чтобы холодный воздух пропитался ароматом крепкого чая. Один из стаканов подтолкнул к ней.

— «Круг братьев». Одна из самых лютых и беспощадных криминальных группировок в России. — Он покачал головой. — О чем ты только думала, когда решила казнить их шестерок?

Она отвела взгляд, но лицо сохраняло надменный вид.

— Хорошо, что милиция нашла тебя раньше, чем братки, иначе мы бы тут с тобой не беседовали. — Он бросил окурочек на пол и затушил его подошвой. — Но должен признать, справилась ты очень умело. Отец лично тебя обучил.

Она снова посмотрела на него. Темноволосый, среднего роста, лет примерно сорока. Спокойный взгляд, даже отчасти доброжелательный, но не совсем.

— Но ты нарушила самое важное правило. Ты попалась.

Она сделала осторожный глоток. Потянулась через стол, взяла сигарету и закурила.

— Кто вы?